

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей**

**МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии**

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

**Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)**

16–17 февраля 2015 г.

Санкт-Петербург

**Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016**

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель	12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем»	16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951) ..	21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного	48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014)	59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа	67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы	77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии	86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного	95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.	112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке	121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг.	121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен»	123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения	124
Б. Кумекоев. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного	125
В. В. Тренавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник»	125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология	126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного	127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка	128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъяснительного наклонения в монгольском языке.....	134
А. А. Бурыкин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин	138
Р. М. Валеев, О. Д. Васильюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв.....	153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции.....	160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго	167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже	178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев	186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов <i>отуз-татар</i> и <i>токуз-татар</i> древнетюркских рунических текстов	195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания)	205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана.....	216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры <i>ажо</i> и <i>иди</i> енисейских и алтайских кыргызов	229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West	238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам	247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима)	257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г.	266
Список авторов статей и выступлений	268

СТЕПНЫЕ НАРОДЫ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РОССИИ В КОНЦЕПЦИИ РАННИХ ЕВРАЗИЙЦЕВ

***Аннотация.** Статья посвящена взглядам ранних евразийцев на роль степных, тюркских и монгольских народов в истории России. В частности, евразийцы, исходя из значения кочевников в истории нашей страны, предлагают свою периодизацию российской истории.*

***Ключевые слова:** евразийцы, тюркские народы, монголы, Россия, кочевники, Золотая Орда, восточные славяне, история.*

Концепция евразийства как идея возникла между двумя мировыми войнами в среде российской эмиграции на Западе, бежавшей туда после Октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти на просторах бывшей Российской империи коммунистического режима. Первыми объектами внимания, на чем сосредоточились представители российской концепции евразийства, были почти совершившийся в 1918–1919 гг. распад Российской империи как государства, а затем воссоздание этого государства под красным знаменем Великой Утопии — коммунизма и под новым названием Союз Советских Социалистических Республик. Однако, по мнению евразийцев, воссоздание было проведено большевиками на основе их ложной коммунистической идеологии и будет недолговечно. Сегодня мы являемся свидетелями того, что этот прогноз евразийцев оправдался. Исходя из данной посылки, они ставили перед собой задачу осознать и обосновать историческое единство огромных пространств, получивших тогда название СССР. Им казалось важным настойчиво подчеркивать основную идею защищаемого ими исторического единства — органического соединения Востока и Запада, Азии и Европы — Евразии. Для евразийцев терминологическое определение «Евразия» было началом разносторонних (исторических, географических, этнографических, культурных, экономических) исследований евразийского единства [Вилента 1988, с. 27–40].

В годы первой мировой войны, революций и гражданской войны в России и на территориях стран и народов, ранее входивших в состав Российской империи, евразийцы обнаружили слабость старых российских традиций, хрупкость казавшихся вековыми устоев. Идеолог российского евразийства Н. С. Трубецкой писал: «Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли “русской культурой”. Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это свершилось, и многие задумывались над причинами этого явления» [Трубецкой 1920, с. 4].

Поэтому евразийцы выдвинули как основополагающую идею — концепцию «России — Евразии», объясняя историческую ситуацию России быть Евразией — целостным единением многих народов, но, в первую очередь славянских и тюркских, населяющих ее «степи и леса». Выразитель евразийских идей П. Н. Савицкий указывал на резкое отличие истории России от истории стран Западной Европы и призывал освободиться от европоцентризма в сознании и противопоставить культуре стран Запада культуру народов России. Евразия, по мысли П. Н. Савицкого, как самодостаточный культурно-исторический мир объединяет славянские, тюркские, кавказские, финно-угорские, монгольские, иранские и другие народы. Евразия является областью равноправия и братства народов, не имеющих аналога в межнациональных соотношениях колониальных империй Запада. А евразийскую культуру можно представить себе в виде культуры, являющейся в той или иной степени общим созданием и общим достоянием народов Евразии.

Таким образом, именно П. Н. Савицкому принадлежит авторство в применении термина «Евразия» и его обоснование [Савицкий 1921а, с. 127, 135; ГАРФ, ф. 5783, оп. 1, ед. хр. 28, л. 2]. Самой постановке вопроса «Россия — Евразия», объяснению предназначения России быть Евразией принадлежит важное место в исторических теориях евразийцев, основателей концепции евразийства.

«Становым хребтом истории Евразии» названа евразийцами в их коллективном труде «Евразийство» степная зона, тянущаяся от устьев Дуная до Тихого океана и населенная преимущественно тюркскими народами, львиную долю которой занимают Казахские степи [Савицкий 1993, с. 100–101].

Евразийцы настаивали на особом значении Евразии, указывая на ее пространственные масштабы и географическую природу. Евразийцы в связи с этим обосновывали ключевое влияние географических и социальных факторов на образование централизованного Российского государства. Учитывая то, что Русь располагалась в основном в лесной зоне и ей постоянно приходилось иметь дело с тюркскими народами степи, евразийцы положили в основу деления на периоды истории России «соотношение между лесом и степью» или славянским и тюркским миром. По этому принципу российская история делится на пять периодов.

Первый — с древности до 972 г. — попытка объединения леса и степи. Во время этого периода славяне и тюрки впервые выходят на историческую арену, причем, как свидетельствуют византийские источники, это происходит почти в одно и то же время. Так, византийский хронист Менаандр сообщает в 579 г. о «важнейших князьях склавинского (славянского — А. К.)

народа» [Менандр 1941, с. 247]. А с тюрками, впервые упоминаемыми в китайских хрониках в 542 г., и в 551 г. создавшими степную империю — Тюркский каганат от Кореи до Черного моря с центром на Тянь-Шане, Византия уже в 567 г. обменивалась посольствами. С этого времени славяне и тюрки сражаются против общего врага — Византии. В 907 г. князь Древней Руси Олег «прибывает свой щит к вратам Царьграда», как в древнерусских летописях называлась столица Византии Константинополь, ныне Стамбул. В княжение его сына Игоря в 941 и 944 гг., а затем и при его внуке князе Святославе, восточные славяне совершают походы на Византию. В свою очередь, тюрки уже в IX в. сражаются с византийцами в Малой Азии, а в X в. волны тюркских кочевников до основания сотрясают «Второй Рим», ставя под вопрос само существование Византии. Тюркские племена печенегов, торков-огузов с северо-запада из причерноморских степей и сельджуков с востока, тревожили Византию. Казалось, из степей Центральной Азии, прародины упомянутых тюркских степных народов, из коренных огузских степей Приаралья протянулись две огромные клешни: на севере печенеги и торки, на востоке — сельджуки, которые грозили, сомкнувшись с восточными славянами раздавить Византию. Это и произошло в 965 г. с союзником Византии — тюркским Хазарским каганатом в Нижнем Поволжье, чья правящая верхушка приняла иудаизм, подданными которого вместе со степными тюрками-хазарами, горскими народами Северного Кавказа, была и часть восточнославянских племен, когда обитавшие в прикаспийских степях, где ныне Казахстан, тюрки-огузы (торки древнерусских летописей — А. К.) в союзе с Древней Русью при правлении князя Святослава сокрушили Хазарское государство [Кляшторный 1964; Кляшторный 2003; Зуев 2002; Карамзин 1989, т. 1, с. 45, 118, 126, 191, 272].

Второй период начинается с 972 г. и длится до нашествия монгольского Бату-хана, Батыя древнерусских летописей — внука Чингис-хана на Русь в 1237 г. Он характеризуется борьбой леса и степи, когда Русь испытала натиск тюркских степных народов — печенегов, половцев древнерусских летописей (кыпчаков мусульманских источников, команов европейских и византийских хроник, цзиньча китайских династийных историй), что нашло отражение как в древнерусских летописях, так и в бессмертном творении древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Войны древнерусских князей с половцами, как и с их тюркскими предшественниками, сменялись союзами с ними, участием древнерусских князей и половецких ханов в междоусобицах друг друга, династийными браками. Примером последних может служить родословная основавшего в 1147 г. Москву князя Юрия Долгорукого, чья жена была половецкой. В 1223 г. половцы выступили в

поход на монголов в составе объединенного войска древнерусских княжеств и вместе с ними испытали горечь поражения на реке Калке [Федоров-Давыдов 1968, с. 47–48; Баскаков 1985, с. 70–79].

Третий период длился с 1238 до 1452 г. — года основания Касимовского ханства в составе Российского государства — и олицетворяет победу степи над лесом, когда после монгольского завоевания Руси и создания империи Золотая Орда, 250 лет повелевавшей древнерусскими землями, в которой тюркские степняки со временем растворили в своей среде монгольских пришельцев и унаследовали их традиции государственности, восточные славяне и тюркские степные народы разделили общую историческую судьбу, развиваясь в единой системе связей, что сближало их и при всех ужасах ордынского владычества приводило к взаимообогащению их культур, определяя во многом сходство их жизненного уклада и духовных ценностей. По мнению евразийцев, объединение русских земель в единое государство произошло в эпоху Золотой Орды и осуществлено это было не «русскими славянами, а монголо-туранцами» (монголами и тюрками — А. К.) [Трубецкой 1993, с. 59]. Н. С. Трубецкой считал, что подлинное начало России как великого государства было положено не славянами и не варягами — выходцами из Скандинавии, сформировавшими первые древнерусские правящие княжеские династии в Киеве, а степными народами — тюрками и монголами. Евразийцы опровергали распространенное мнение о том, что, оказавшись в составе Золотой Орды, Русь остановилась в своем развитии. По их мнению, были радикально изменены пути этого развития, и в итоге они привели страну к принятию от Золотой Орды эстафеты гегемонии в будущей евразийской державе, каковой и стала Россия. Поэтому евразийцы положительно оценивали период, когда Русь находилась в составе Золотой Орды: «Правда, сначала северо-восточная Русь была в этой (золотоордынской — А. К.) системе вассалом. Но, как известно, к концу XIV в. Русь в лице Московского государства с полной несомненностью стала решающей силой в великом состязании “царств-наследников” Золотой Орды» [Гумилев 1994, с. 535].

Четвертый период — 1452–1696 гг. (от возвышения Москвы и падения Золотой Орды до взятия Петром Великим города Азова, тогда османской крепости) — время побед леса над степью, когда «Русский Север» наступает на монголо-турецкий (монголо-тюркский — А. К.) Восток: завоевание Казанского, Астраханского, Сибирского на Тоболе ханств, поглощение башкирских владений и Ногайской Орды, а позднее в XVIII–XIX вв. и Казахских жузов, Крымского ханства, ханств Средней Азии — Хивинского, Кокандского, Бухарского, благодаря чему постепенно из Великого княжества Московского образуется великая евразийская держава — Российская

империя, включившая в свой состав земли своей предшественницы Золотой Орды, от которой она многое унаследовала. Например, наследие Золотой Орды в области государственной организации стало прообразом в первую очередь российской имперской государственности, где по ордынским образцам функционировала военная организация, фискальная система, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий. До конца XVII в. русские цари вели переписку с мусульманскими государями с использованием стиля и формул, свойственных парадно-канцелярскому производству Золотой Орды, а в дальнейшем Крымского ханства. Направлявшиеся правителям мусульманских стран грамоты украшались, во всяком случае, до начала XVIII в., не заимствованным у Византии изображением двуглавого орла как герба России, а особого геральдического знака — тугры, взятого с грамот крымских ханов, с которыми у московских государей была активная переписка. Правители России привычно и органично использовали мусульманскую символику, не воспринимая ее как нечто чуждое. Иначе чем объяснить, что тутра первых Романовых не только была хорошо известна тюркским правителям Бахчисарая и Стамбула, империи Великих Моголов в Индии, но и украшала документы выезжавших на Восток российских купцов. Заметно было золотоордынское и более раннее тюркское влияние на русский язык, что нашло свое отражение в современном русском языке, где пятая-шестая часть словарного запаса — тюркского происхождения. Золотоордынское наследие проявилось в веротерпимости и в обыкновении не ассимилировать новые, включавшиеся в состав Российской империи территории, не изменять жизнь, религию и язык присоединенных народов, хотя и были заметные отклонения от этих принципов в отдельные периоды истории России. Помимо этого, Русь была вовлечена в находящуюся на более высоком уровне финансовую систему Золотой Орды и унаследовала от нее ямскую систему путей сообщения и сеть почтовых организаций [Евразийство 1972, с. 381; Ланда 1995, с. 66]. Трудно переоценить роль в истории России тюркской служилой знати, переходившей в православие, сформировавшую заметную часть российского высшего общества, хотя нередко и сохранявшей мусульманскую веру, что не мешало ей преданно служить русскому престолу, и выходцы из которой становились не только номинальными русскими царями, как тюркские князья Петр Ибрагимович и Симеон Бекбулатович, марионетки в руках первого русского царя Ивана Грозного, чья мать была крещеной татаркой, но и подлинными властителями России, как потомок ордынца Чет-мурзы царь Борис Годунов [Трепавлов 1998, № 1–2 (4–5), с. 101–112], «татарин, нехристь», как писал о нем А. С. Пушкин.

Пятый период — «распространение Российского государства до естественных пределов Евразии» (1696–1917 гг.) — объединение леса и степи в «отношении хозяйственно-колониационном». Социальное и политическое развитие евразийской общности определялось борьбой между «лесом» и «степью», где «лес» постепенно брал верх. Однако эта борьба выявила значение тюркских кочевых народов в создании политической, материальной и духовной цивилизации, которая органически охватывала всю территорию Евразии.

Евразийцы стремились связать изучение географического фактора с постановкой исторических проблем, что им в полной мере удалось. Согласно евразийской точке зрения, большие евразийские территории, содержащие в себе колоссальные природные богатства, диктуют необходимость контроля, что неизбежно приводило к жестко централизованной системе управления.

Таким образом, вполне правомерно, что евразийцы начали переосмысливать роль восточных, прежде всего тюркских кочевых народов, в истории России. Их заслуга состоит не только в том, что они включали тюркский степной мир в ее историю, но и в том, что посмотрели на саму эту историю не с Запада, глазами европейцев с позиции европоцентризма, а как бы из другого мира — тюркского, степного, азиатского. Это обогатило российскую науку, позволило осознать некоторые стороны русского исторического процесса, в частности, взаимоотношений России с тюркскими культурами. В связи с этим приверженцы российской концепции евразийства придавали большое значение географическому фактору, особенно огромным степным пространствам Евразии (где прародина всех, а не только степных, тюркских народов, несмотря на современные места их обитания), на формирование русского национального характера. Именно в степной, а не в «лесной» или «речной» зоне, подобно тому, как это было и у тюркских степных народов, по мнению евразийцев, вырабатывались формы властвования, мышления и психологии, не свойственные другим культурам. В русском национальном типе можно обнаружить азиатские мотивы поведения: массовость и довольно часто иррациональность политических акций, наблюдаемые до сегодняшнего дня. Богатство природы и обширность территории повлияли на национальный характер русских, которым свойственны поистине материковый размах (русская широта), осознание органической связи общественной жизни с природной, взгляд на любые формы политической жизни как на нечто относительное. Формирование нации шло одновременно с образованием империи на огромных пространствах двух, и даже, какое-то время, трех материков, (до уступки Северо-Американским Соединенным Штатам Русской Америки в 1860-х годах), что наложило свой отпечаток на ход российской истории.

Исторический миф о «собирании» земель предполагает, что единый народ якобы существовал как бы сам по себе, а затем объединился в едином государстве. На самом деле и на Руси, и в любой другой стране все происходило с точностью до наоборот. Государство, тем более, имперского уровня, объединившее изначально под своей властью разнородные племена и общины, постепенно превращало их в единый народ.

Следовательно, российская концепция евразийства включает в себя ряд исходных позиций: о существовании особого континента Евразии с особыми природными условиями, климатом и ландшафтом; о месте, где развивается народ, как категории, отражающей синтез социально-исторической среды и территории, которую он заселяет; об определенном типе менталитета и нравственности народа, обусловленного местом, где он развивается; об особых условиях жизни и мировоззрении, порождающих и особую социально-политическую организацию общества на территории Евразии.

В евразийской концепции истории впервые в российской историографии поднимается проблема многонационального государства, что и поныне актуально, как для России, так и для стран тюркского мира, особенно Казахстана.

Последователи российской концепции евразийства выделяли туранский (тюркский) тип как оказывающий определяющее влияние на евразийскую культуру вплоть до эпохи Петра Великого. Главная черта психологии тюркских степных народов, по их мнению, стремление к экстенсивности, что обеспечивало относительную культурную устойчивость данному типу, создававшую условия для сбережения национального потенциала. В целом евразийцы положительно оценивали влияние туранцев (тюрков) на развитие русского национального менталитета и государственности, и, вместе с тем, указывали — «мы не славяне и не туранцы (тюрки), хотя в ряду наших предков есть и те, и другие, а — русские» [Евразийство 1972, с. 374].

Политическое и культурное развитие евразийских народов, в первую очередь славянских и тюркских, сроднившихся в течение веков совместного проживания, при всех противоречиях в их непростых взаимоотношениях, обеспечивало им существование в рамках единого евразийского государства — России, название которого в разное время звучало по-разному — Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация. Поэтому «национальным субстратом» Российского государства «может быть только вся совокупность народов, населяющих государство, рассматриваемая как особая многонародная нация» [Трубецкой 1993, с. 95; Савицкий 1921б, с. 4–7; Вернадский 1927, с. 8; И. Р. (Трубецкой) 1991, с. 35].

Обращение к теориям ранних евразийцев в современную эпоху обусловлено тем, что евразийская идея, каковой бы ни была реальная популярность евразийства среди широких слоев населения современной России, равно как и тюркских стран СНГ, является одной из основных постсоветских идеологий, разработанной, теоретически обоснованной и направленной на реидентификацию России. Современное евразийство возвращает к наследию — к исканиям ранних евразийцев. Вероятно, ему предстоит новое толкование и распространение среди тюркских элит России и стран Центральной Азии, а обращение к евразийству и собственная его интерпретация лидером Казахстана Н. С. Назарбаевым, наглядное подтверждение сказанному [Назарбаев 1997].

Библиография

1. Баскаков 1985: *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
2. Вернадский 1927: *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Прага, 1927, ч. 1.
3. Вилента 1988: *Вилента И. В.* Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев. Вестник Московского Университета, серия 8 — история, № 1, 1988.
4. ГАРФ: *Савицкий П. Н.* Евразийская концепция русской истории. Государственный архив Российской Федерации.
5. Гумилев 1994: *Гумилев Л. Н.* Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.
6. Евразийство 1972: Опыт систематического изложения. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьба России. М., 1972.
7. Зуев 2002: *Зуев Ю. А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
8. И. Р. (Трубецкой) 1991: *И. Р. (Трубецкой Н. С.)*. Наследие Чингиз-хана (взгляд на русскую историю не с Запада, а Востока). Вестник Московского университета, серия 9 — филология, № 4, 1991.
9. Карамзин 1989: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. 1, М., 1989.
10. Кляшторный 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
11. Кляшторный 2003: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с. (Азиатика).
12. Ланда 1995: *Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995.
13. Менаандр 1941: *Менаандр.* История. Вестник древней истории. 1941, № 1.
14. Назарбаев 1997: *Назарбаев Н. А.* Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М., 1997.

15. Савицкий 1921a: *Савицкий П. Н.* Европа и Евразия. Русская мысль. София, 1921, вып.1.
16. Савицкий 1921b: *Савицкий П. Н.* Миграция культуры. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.
17. Савицкий 1993: *Савицкий П. Н.* Евразийство. Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 100–101.
18. Трепавлов 1998: *Трепавлов В. В.* Тюркская знать в России (ногаи на царской службе). Вестник Евразии — Acta Eurasica. М., 1998. №1–2 (4–5).
19. Трубецкой 1920: *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София, 1920.
20. Трубецкой 1993: *Трубецкой Н. С.* О туранском элементе в русской культуре. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
21. Федоров-Давыдов 1968: *Федоров-Давыдов Г. Ф.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968.

A. Sh. Kadyrbaev

STEPPE PEOPLES AND THE PERIODIZATION OF THE HISTORY OF RUSSIA IN THE CONCEPT OF EARLY EURASIANS

Abstract: *The article is devoted to the views of early Eurasians on the role of the steppe, the Turkic and Mongolian peoples in the history of Russia. In particular, the Eurasians, on the basis of the values of nomads in the history of our country, offer their own periodization of Russian history.*

Keywords: *nomads, the Mongols, the Turks, Russia, Eurasia, steppe, oasis, empire, kaganate, the Golden Horde.*